

Симфония революции

ГОВОРЯТ: хороший, постоянный роман прочесть — что жизнь пережить. То же самое можно сказать и о таком большом произведении музыки, как симфония.

Сколько чувств теснит грудь, сколько образов и видений пронесется перед тобой, когда слушаешь Пятую симфонию Бетховена или Шестую Чайковского! Обновленным, душевно обогащенным выходишь из концертного зала и после лучших симфоний Шостаковича. То же испытываешь, прослушав его новую, Одиннадцатую симфонию.

Огромной, волнующей музыкально-исторической эпопеей предстает она перед нами. Длится симфония без малого час, но этого вовсе и не замечаешь — так живо и непосредственно захватывает слушателя ее содержание, так предельно точно (талант — это точность!), совершенно и прекрасно мастерство композитора.

В классической симфонии первая часть обычно является основополагающей, несущей в себе зерно, драматургический конфликт всего произведения. В «1905 году» Шостаковича эта роль отведена второй части, а первая исполняет роль как бы вступления, симфонического «пролога» к драме. Художественный замысел композитора подсказывал ему такое творческое решение.

Первая часть носит название «Дворцовая площадь».

...Спит великий город. Спит пустынная площадь, заснеженным мертвым полем раскинувшаяся перед Зимним дворцом. Такая тишина царит кругом, что, кажется, слышишь, как звенит морозный воздух.

Но прислушайтесь! В оркестре неожиданно возникает мелодия — очень знакомая — мелодия старой тюремной революционной песни «Слушай!».

Как лаконичны и просты композиционные средства и приемы Шостаковича! По детали — целое, по намеку — образ, через песенный мотив — место действия, настроение, эпоха. Удивительно хорошо передает композитор ощущение холодной безлюдной площади, угрюмо глядящего глазами своих зашторенных зеркальных окон дворца-тюрьмы, охраняемого не менее бдительно, чем казематы Петропавловской крепости. И вдруг — мотив революционной песни, как красный флажок, взрывающийся ввысь из-за тюремной решетки. Образ царской России, придавленной двуглавым орлом, — вот что заключено в первой части симфонии, в прологе к «9 января» — так называется вторая, центральная часть симфонии...

Вторая часть симфонии потрясает. Ее сюжетная схема проста и следует историческим фактам: навстречу мирной демонстрации, направившейся к Зимнему дворцу, царь выслал войска, которые беспощадно расстреляли рабочих, женщин, детей. Неимоверной реалистической силы достигает здесь музыка.

Вначале музыка как бы рисует нам мятущуюся массу демонстрантов. Масса эта — гневная и одновременно нерешительная, горестно-молящая и вместе с тем грозная, могучая, охваченная смутным, единым настойчивым стремлением...

Сила и слабость этой толпы обманутых людей, пришедших просить милостей у царя, обрисованы с выразительностью Мусоргского. Эту сцену из симфонии можно поставить вровень с народными сценами из «Бориса Годунова» и «Хованщины», хотя совершенно неоспоримо, что народ Шостаковича во многом отличен от народа Мусоргского.

«Гой ты, царь наш батюшка! Огля-

нись вокруг. Нет житья, нет моченьки нам от царских слуг...» Это слова одной из десяти хоровых поэм Шостаковича, посвященных революции 1905 года и написанных им еще в 1951 году. Мотив этой поэмы и лег в основу начальной характеристики народа во второй части симфонии.

И вот уже лицом к лицу встретились на площади и стали друг против друга две силы, два лагеря, два мира. Чем кончится трагическая встреча-поединок? Зловещий, внезапно обрушившийся барабанный бой заставляет холодеть сердце. Он возмещает начало кровавой расправы царских сатрапов с безоружными, ни в чем не повинными людьми.

Два образа возникают в памяти, когда слушаешь в XI симфонии эпизод расстрела демонстрации. Первый — из кинофильма «Броненосец Потемкин» — имею в виду знаменитую сцену на одесской лестнице (вообще по художественной силе воздействия и по стилистическим приемам симфония Шостаковича близка фильму Эйзенштейна). Второй образ — из первой части VII, «Ленинградской» симфонии самого же Шостаковича (эпизод из I части — «Фашистское нашествие»). Как и в VII, в XI симфонии композитор стремится передать не только черную беспощадную и мертвую силу врага, холодное бешенство карателей, но и с каждым мгновением растущую силу отпора, который оказывает народная масса царской военщины. Поразительно, как «на наших глазах» меняется в музыке облик народа.

9 января была расстреляна и окончательно развезена в прах легенда о царемилостивце. Вот этот перелом в психологии народа запечатлен в музыке второй части. Такова ее основная тема.

В третьей части дана картина похорон. Питерские рабочие, весь народ провожают в последний путь погибших. В советской музыке мы не знаем траурных страниц, посвященных памяти павших героев революции, такой впечатляющей силы, как этот реквием. И опять-таки это не просто картина печального шествия. В музыке как бы отражено состояние народной души. Любопытно, что для характеристики народа композитор здесь использует мотив старой революционной песни «Вы жертвою пали». Кто не знает этого мотива? Но как по-новому свежо и трогательно звучит он у Шостаковича. Композитор симфонически развивает его, раскрывая дотоле скрытые в нем выразительные возможности, как это не раз делали с народными мотивами Чайковский, Мусоргский. Изумительно красива эта музыка. Ее поступь величава. Это поступь убежденных, сильных, сознательных революционных борцов.

Как боевой лозунг, как большевистский призыв «К оружию!» звучит в начале четвертой, финальной части «Набат» мотив песни «Беснуйтесь, тираны!» Слово стремительные веселые потоки, со всех сторон спешат, чтобы слиться воедино, революционные рабочие отряды — такую картину рисуешь себе, слушая музыку этой части.

Революция 1905 года потерпела поражение. И вот в финале симфонии снова возникает картина «Дворцовой площади» — такой, какой она была дана в первой части. Но как будто мостик перебрасывает к нашим дням композитор в концовке симфонии, громадным победным взлетом завершая симфонию.

От мертвого дома на мертвой площади — этого символа царского самодержавия — до картин взвихренной России, России революционной, России народной, собирающей под свои алые большевистские знамена несметные рабочие дружины — таков «путь», таков размах Одиннадцатой симфонии Шостаковича.

За короткий срок своей жизни на концертной эстраде симфония «1905 год» успела завоевать симпатии и любовь широкой массы любителей музыки. И потому с особым удовлетворением и радостью воспринята весть о присуждении Дмитрию Шостаковичу Ленинской премии. Это высокая и заслуженная награда!

М. СОКОЛЬСКИЙ.